

ПРИНЦИП NON-REFOULEMENT В ИНСТИТУТЕ ЭКСТРАДИЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Арзиев Лазизбек Бахритдинович
магистр Правоохранительной Академии
Республики Узбекистан
по направлению «Международное право,
связанное с правами человека»
e-mail: lazizbekarziev27@gmail.com
<https://doi.org/10.5281/zenodo.20070359>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 03-may 2026 yil
Ma'qullandi: 05-may 2026 yil
Nashr qilindi: 07-may 2026 yil

KEYWORDS

*non-refoulement,
экстрадиция, защита прав
человека, дипломатические
заверения, Европейский Суд
по правам человека, дело
Соринга, Конвенция ООН
против пыток, Республика
Узбекистан.*

ABSTRACT

В статье исследуется принцип non-refoulement (невыворения) как фундаментальная гарантия защиты прав человека в процессе экстрадиции. Анализируются нормативные основы принципа в универсальных и региональных международных договорах, эволюция доктрины Соринга в практике Европейского Суда по правам человека, а также особенности реализации принципа в законодательстве Республики Узбекистан. Особое внимание уделено решениям ЕСПЧ по экстрадиционным делам, связанным с государствами Центральной Азии, и проблеме оценки достаточности дипломатических заверений. Сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства в части обеспечения гуманитарных гарантий при экстрадиции.

Введение

Современная концепция экстрадиции претерпела существенную эволюцию вследствие интенсивного развития международного права прав человека. Если в классической доктрине выдача рассматривалась преимущественно как акт межгосударственного сотрудничества, основанный на принципах суверенитета и взаимности, то на современном этапе экстрадиционный процесс не может быть отделён от системы международных гарантий прав личности. Запрашиваемое государство принимает на себя ответственность не только за исполнение обязательств перед запрашивающим государством, но и за соблюдение прав лица, в отношении которого подан экстрадиционный запрос.

Центральное место среди гуманитарных ограничений экстрадиции занимает принцип non-refoulement (принцип невыворения, или запрета принудительного возвращения), получивший развитие как в нормотворческой, так и в судебной практике международных органов. Указанный принцип запрещает передачу лица другому государству в случаях, когда имеются серьёзные основания полагать, что выдача

подвергнет его риску пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо иных серьёзных нарушений прав человека. Цель настоящей статьи состоит в системном анализе нормативного содержания принципа non-refoulement, эволюции его толкования в практике Европейского Суда по правам человека и особенностей реализации в законодательстве Республики Узбекистан.

1. Нормативные основы принципа non-refoulement

Нормативной основой принципа non-refoulement в экстрадиционной практике служит совокупность универсальных и региональных международно-правовых актов. Статья 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года устанавливает запрет высылки или возврата беженца в страну, где его жизни или свободе угрожала бы опасность. Статья 3 Конвенции ООН против пыток 1984 года прямо запрещает государствам-участникам выдавать лицо другому государству, если имеются серьёзные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Аналогичные положения закреплены в статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах в её толковании Комитетом ООН по правам человека.

На региональном уровне принцип non-refoulement получил развитие в практике применения статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Пункт 2 статьи 3 Европейской конвенции о выдаче 1957 года предусматривает отказ в выдаче, если у запрашиваемого государства есть существенные основания полагать, что запрос был сделан с целью преследования или наказания лица по признакам расы, религии, национальности или политических убеждений. По справедливому замечанию Н.А. Сафарова, гуманизация международного права привела к тому, что отказ от выдачи в случае угрозы применения смертной казни, пыток или бесчеловечного обращения приобрёл характер общепризнанного принципа в современной экстрадиционной практике¹.

К. Дрёге, рассматривая правовое содержание принципа non-refoulement, обоснованно указывает, что данный принцип применяется ко всем видам передачи лица, независимо от правовой формы такой передачи — будь то высылка, экстрадиция, возврат, репатриация или иные способы; при этом ответственность государства возникает в силу самого факта передачи лица в условия реальной угрозы запрещённого обращения². Указанная экстерриториальная природа обязательства non-refoulement выступает одной из его наиболее значимых характеристик в контексте международного права прав человека.

2. Доктрина Соринга и эволюция практики ЕСПЧ

Принципиальный поворот в доктрине экстрадиционных гуманитарных гарантий был осуществлён Европейским Судом по правам человека в его знаменитом решении по делу «Соринг против Соединённого Королевства» (*Soering v. The United Kingdom*) от 7 июля 1989 года. Суд впервые установил, что экстрадиция лица в государство, где ему

¹Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 187–189.

²Дрёге К. Передача задержанных лиц: юридические основания, принцип невыдворения (non-refoulement) и современные вызовы // Международный журнал Красного Креста. — 2008. — Т. 90, № 871. — С. 269–271.

угрожает «реальный риск» обращения, противоречащего статье 3 Европейской конвенции, влечёт международно-правовую ответственность выдающего государства. ЕСПЧ постановил, что условия пребывания заявителя в «коридоре смерти» в США в случае его выдачи будут представлять собой бесчеловечное обращение, нарушающее статью 3³. Доктрина Соринга заложила основу для расширительного толкования экстерриториального действия конвенционных обязательств в сфере прав человека.

Дальнейшее развитие данная доктрина получила в решении ЕСПЧ по делу «Чахал против Соединённого Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15 ноября 1996 года, в котором был подтверждён абсолютный характер запрета, содержащегося в статье 3, — нормы, не допускающей никаких исключений даже в случаях, связанных с национальной безопасностью⁴. Тем самым была отвергнута возможность баланса между необходимостью защиты от пыток и интересами безопасности государства.

Существенным этапом стало решение ЕСПЧ по делу «Отман (Абу Катада) против Соединённого Королевства» (Othman v. United Kingdom) от 17 января 2012 года, в котором впервые было признано, что выдворение лица в государство, где имеется реальная опасность того, что в отношении него будет проведено судебное разбирательство с использованием доказательств, полученных под пыткой, нарушает статью 6 Европейской конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) в связи с риском «явного отказа в правосудии»⁵. Дело Абу Катады также сформировало развёрнутый стандарт оценки достаточности дипломатических заверений (diplomatic assurances) о неприменении пыток.

Существенное расширение гуманитарных ограничений экстрадиции связано с делом «Трабелси против Бельгии» (Trabelsi v. Belgium) от 4 сентября 2014 года, в котором ЕСПЧ установил, что выдача лица в государство, где ему может быть назначено пожизненное лишение свободы без реальной перспективы освобождения (irreducible life sentence), нарушает статью 3 Конвенции⁶. Тем самым стандарт несовместимости пожизненного заключения без права на пересмотр был распространён на случаи экстрадиции.

3. Дело Маматкулов и Аскарлов против Турции и его значение для постсоветских государств

Особое значение для постсоветского пространства, и в первую очередь для Республики Узбекистан, имеет решение Европейского Суда по правам человека по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey) от 4 февраля 2005 года. В данном деле Суд рассматривал вопрос о соответствии принципу non-refoulement экстрадиции граждан Узбекистана, подозревавшихся в планировании террористических актов и экстрадированных Турецкой Республикой по запросу

³Soering v. The United Kingdom, App. № 14038/88, ECtHR, Judgment of 7 July 1989, §§ 88–91.

⁴Chahal v. The United Kingdom, App. № 22414/93, ECtHR, Judgment of 15 November 1996, § 79–80.

⁵Othman (Abu Qatada) v. The United Kingdom, App. № 8139/09, ECtHR, Judgment of 17 January 2012, §§ 187–189, 258–267.

⁶Trabelsi v. Belgium, App. № 140/10, ECtHR, Judgment of 4 September 2014, §§ 134–139.

Узбекистана в соответствии с двусторонним договором при предоставлении дипломатических заверений.

Указанное дело имеет фундаментальное значение для практики экстрадиции в государствах Центральной Азии и определяет критерии оценки гуманитарных рисков при выдаче. Линия решений ЕСПЧ по экстрадиционным делам в отношении Российской Федерации, связанным с выдачей лиц в государства Центральной Азии, продолжила развитие данной доктрины. В таких делах, как «Эргашев против России» (Makhmudzhon Ergashev v. Russia, 2011), «Исмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia, 2008), «Мамажонов против России» (Mamazhonov v. Russia, 2014), «И.У. против России» (I.U. v. Russia, 2017), Суд последовательно признаёт, что лица, обвиняемые в религиозно или политически мотивированных преступлениях в Узбекистане, относятся к «уязвимой группе», в отношении которой существует реальный риск обращения, противоречащего статье 3 Европейской конвенции.

Как отмечает Н.А. Сафаров в работе, посвящённой европейскому ордеру на арест, при оценке риска жестокого обращения суд учитывает совокупность факторов: доклады международных правозащитных органов о ситуации в принимающем государстве, индивидуальные обстоятельства заявителя, а также качество и формальный статус полученных дипломатических заверений⁷.

Особое значение в современной экстрадиционной практике приобрёл институт дипломатических заверений (diplomatic assurances), используемый при выдаче в государства, где имеются обоснованные опасения относительно соблюдения прав запрашиваемого лица. Ш.Д. Содиков справедливо подчёркивает, что правовой статус дипломатических заверений требует чёткой регламентации; их использование без эффективных механизмов контроля исполнения представляет собой потенциальный канал для систематических нарушений международных обязательств в области прав человека⁸. М. Джуффре также обращает внимание на то, что чрезмерное доверие к таким заверениям при выдаче в государства, где пытки распространены, создаёт риск превращения защиты прав человека в политический вопрос, в котором интересы безопасности преобладают над абсолютным характером запрета пыток⁹.

4. Реализация принципа non-refoulement в законодательстве Республики Узбекистан

Республика Узбекистан является участником основных универсальных конвенций ООН, закрепляющих принцип non-refoulement, включая Конвенцию против пыток 1984 года и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. Конституционно-правовой основой регулирования экстрадиции в Республике Узбекистан выступает статья 23 Конституции, согласно которой Республика Узбекистан гарантирует защиту и покровительство своим гражданам как на своей территории, так

⁷Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест: право и практика. — М.: НОРМА, 2018. — С. 312–315.

⁸Содиков Ш.Д. Правовой статус дипломатических заверений при решении вопроса о выдаче в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2021. — № 5. — С. 8–10.

⁹Giuffré M. An Appraisal of Diplomatic Assurances One Year after Othman (Abu Qatada) v United Kingdom // International Human Rights Law Review. — 2013. — Vol. 2, № 2. — P. 268–270.

и за её пределами; гражданин Республики Узбекистан не может быть выслан за пределы Узбекистана или выдан другому государству¹⁰.

Процессуальные основы экстрадиции в Республике Узбекистан установлены статьями 595–602 Уголовно-процессуального кодекса 1994 года, образующими отдельную главу, посвящённую международному сотрудничеству по уголовным делам¹¹. Указанные нормы определяют порядок принятия экстрадиционных решений, основания отказа в выдаче, права лица, в отношении которого подан запрос, а также общий порядок взаимодействия компетентных органов. Центральным компетентным органом в сфере экстрадиции в Республике Узбекистан выступает Генеральная прокуратура.

Вместе с тем национальное правовое регулирование принципа non-refoulement требует дальнейшего совершенствования. М.Н. Алиева и Н.Т. Темирсултанова обоснованно отмечают, что современная практика государств свидетельствует о расширительном толковании дискриминационной оговорки и её применении в отношении новых категорий уязвимых групп; при этом разрешение коллизии между экстрадиционными обязательствами и необходимостью защиты прав запрашиваемого лица требует совершенствования как международно-правового, так и национального законодательного регулирования¹².

В.А. Шестак и М.В. Дьяченко обоснованно подчёркивают, что ключевым направлением развития института экстрадиции становится обеспечение соразмерности между необходимостью эффективного уголовного преследования и гарантиями фундаментальных прав запрашиваемого лица¹³. Применительно к Республике Узбекистан это означает необходимость закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе развёрнутого механизма оценки гуманитарных рисков при принятии решения о выдаче, включая обязательность исследования материалов международных правозащитных органов о ситуации в принимающем государстве и формализованные критерии оценки достаточности дипломатических заверений.

Заключение

Принцип non-refoulement представляет собой фундаментальную гарантию защиты прав человека в институте экстрадиции, обладающую абсолютным характером и экстерриториальным действием. Эволюция доктрины Соринга в практике Европейского Суда по правам человека последовательно расширила сферу применения данного принципа, охватив наряду с риском пыток также риски использования

¹⁰Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30 апреля 2023 г.), ст. 23.

¹¹Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом РУз от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХII (с последующими изменениями и дополнениями), ст. 595–602.

¹²Алиева М.Н., Темирсултанова Н.Т. Проблемы реализации института экстрадиции в международном и национальном праве // Закон и право. — 2019. — № 6. — С. 36–37.

¹³Шестак В.А., Дьяченко М.В. Об отдельных спорных вопросах международно-правового регулирования выдачи лиц, совершивших преступления // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — С. 57–58.

доказательств, полученных под пыткой, и назначения пожизненного заключения без реальной перспективы освобождения.

Применительно к Республике Узбекистан принцип non-refoulement реализуется на основе участия в универсальных конвенциях ООН и закреплён в общих нормах об экстрадиции. Совершенствование национального законодательства целесообразно в направлении: закрепления развёрнутого механизма оценки гуманитарных рисков при принятии решения о выдаче; формализации критериев оценки достаточности дипломатических заверений; обеспечения эффективного судебного контроля за решениями компетентных органов; расширения процессуальных гарантий запрашиваемого лица в экстрадиционном процессе. Реализация указанных мер позволит привести национальную практику в соответствие с международными стандартами и укрепить конституционные гарантии прав человека в Республике Узбекистан

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом РУз от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с последующими изменениями) [Электронный ресурс]. — URL: <https://lex.uz/docs/111463> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Алиева М.Н., Темирсултанова Н.Т. Проблемы реализации института экстрадиции в международном и национальном праве // Закон и право. — 2019. — № 6. — С. 35–38.
4. Дрёге К. Передача задержанных лиц: юридические основания, принцип невыдворения (non-refoulement) и современные вызовы // Международный журнал Красного Креста. — 2008. — Т. 90, № 871. — С. 269–304.
5. Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест: право и практика. — М.: НОРМА, 2018. — 624 с.
6. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 416 с.
7. Содиков Ш.Д. Правовой статус дипломатических заверений при решении вопроса о выдаче в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2021. — № 5. — С. 7–11.
8. Шестак В.А., Дьяченко М.В. Об отдельных спорных вопросах международно-правового регулирования выдачи лиц, совершивших преступления // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — С. 56–60.
9. Giuffré M. An Appraisal of Diplomatic Assurances One Year after Othman (Abu Qatada) v United Kingdom // International Human Rights Law Review. — 2013. — Vol. 2, № 2. — P. 266–293.
10. Chahal v. The United Kingdom: ECtHR Judgment of 15 November 1996, App. № 22414/93.
11. Mamatkulov and Askarov v. Turkey: ECtHR Judgment of 4 February 2005, App. №№ 46827/99, 46951/99.
12. Othman (Abu Qatada) v. The United Kingdom: ECtHR Judgment of 17 January 2012, App. № 8139/09.
13. Soering v. The United Kingdom: ECtHR Judgment of 7 July 1989, App. № 14038/88.
14. Trabelsi v. Belgium: ECtHR Judgment of 4 September 2014, App. № 140/10.